

Жизнь и творчество - 1995 - 16 - 23 марта - 9 15

Имя Антонина Москалика известно в нашей стране разве что специалистам по истории кино Восточной Европы. На наших экранах была только одна, и не самая известная его картина — фильм-сказка «Третий принц». А между тем судьба его связана с Союзом самым непосредственным образом. Антонин Москалик родился на Закарпатской Украине в 1930 году. Отец его попал в польский плен и эмигрировал затем в буржуазную Чехословакию. Он оставил в Киеве много родственников, впоследствии репрессированных. Мать Антонина Москалика происходила из венгерского дворянского рода. До девяти лет Антонин не знал чешского языка: в доме говорили по-украински. Русский язык он выучил потом — самостоятельно.

В 1958 году Антонин Москалик закончил театральный факультет праж-

ло, чтобы Табакова озвучивал чешский актер (это было сделано, и очень искусно). Накануне отъезда мне позвонили из Госкино: «Табаков ехать не может, у него нет загранпаспорта». На что Олег сказал: «Антонин, спокойно: я — священная корова». И ничего с ним нельзя было поделать, хотя на съемках он публично объяснялся в любви своим опальным в те годы коллегам, с которыми подружился в 1968 году.

Сюжет «Кукушки в темном лесу» основан на реальных фактах. Во время второй мировой войны была уничтожена деревня Лидице. Мужчин расстреляли, женщин угнали в концлагерь, а детей отдали в немецкие семьи с целью «германизации». Герой фильма, офицер СС, берет на воспитание чешскую девочку, искренне желая сотворить добро. Неоднозначность добра и зла — главная тема фильма. Мы предлагали

АУТЕНТИЗМ ПРОТИВ ФРУСТРАЦИИ

ской Академии изящных искусств и начал активно работать в кино и на телевидении. Тогда же началось сотрудничество с чешским еврейским писателем Арноштом Лустигом, который нашел в Москалике «единомышленника, способного воплотить на экране его литературный стиль. Успех телевизионного фильма «Молитва за Катерину Горовицкову» (1965), поставленного по новелле А. Лустига, вдохновил обоих на экранизацию новеллы «Дита Саксова». Картина была снята за сорок дней (причем сценарий «дописывался» уже в подготовительный период) и смонтирована за 14 дней!

В главной роли — польская актриса Кристина Николаевская: Москалик не удалось найти исполнительницу в Чехословакии («тогда в кино моден был спортивный тип. А мне нужна была хрупкая женственность, едва касающаяся жизни»). Тема Прекрасной принцессы — женского начала, уходящего из мира (действие фильма происходит в 1947 году, накануне коммунистического переворота) — прозвучала в этом красивом и печальном фильме так, как это было возможно именно в шестидесятые годы. В лучшем смысле этого слова.

Впрочем, кинокомитет ЧССР после известных событий 1968 года пересмотрел свое отношение к этой картине, которую хотели было номинировать на «Оскар». А именно: фильм был положен на полку — якобы из-за «еврейской темы». Нам, воспитанным в системе государственного кинопроизводства, ясны теперь и другие причины, по которым «Дита Саксова» могла «не понравиться». В фильме совершенно неподобающим образом было показано состояние чешского общества в означенный период. Никакого радостного ожидания грядущих социалистических преобразований (скорее, робкая надежда на то, что авось обойдется без них), никакой руководящей роли КПЧ и других гегемонов. Героини — осиротевшие молодые еврейские девушки, пережившие концлагерь, — отнюдь не озабочены общественной деятельностью: Лиза выходит замуж за богача, Бритта уезжает в Англию, Тонечка и Дита умирают. И вообще, какой-то во всем декаданс. Короче, А. Москалика отстранили от работы в кино на четырнадцать лет.

Он не уехал из страны, хотя ему неоднократно предлагали. И не сидел без дела: снимал телефильмы, среди которых особенным успехом пользуется сериал «История криминалистики». Недавно им заинтересовались сотрудники Санкт-Петербургского телевидения. И может быть, его увидят российские зрители, на что надеется сам А. Москалик («я старался снимать так, чтобы было интересно всем»). А. Москалик освоил также профессию продюсера, а в 1994 году он был исполнительным директором МКФ в Карловых Варах. В январе нынешнего года А. Москалик приехал в Москву как директор нового Международного кинофестиваля «Золотой голем», который состоится в Праге в середине июня.

— Пан Москалик, исторические обстоятельства нанесли вам как художнику тяжелый удар. Но сейчас, в изменив-

шейся реальности, сохранилось ли у вас желание снимать кино?

— Не стоит драматизировать. Ведь я все же снял «Диту Саксову». И слава Богу, что есть то, что есть. А планы имеются. И сценарии тоже. Я ищу теперь контактов с духовными людьми. Правда, это не значит — делать кино «не для зрителя». Сейчас, к сожалению, очень модно снимать фильмы, которые может понять только сам режиссер, его жена и группа товарищей. Это, я думаю, неправильно.

— Кстати, как вам удалось так быстро снять полнометражный фильм?

— Была привычка с телевидения: перед съемкой все подготовить и обдумать, чтобы монтажер точно знал, как «клетить». В Праге с первого курса приучают к монтажному мышлению. У меня была замечательная группа: оператор Ярослав Кучера, художник Владимир Лабский (потом мы с ним работали на нескольких картинах). Что же касается композитора, то думаю, что он, если бы не пил, стал бы одной из ярчайших музыкальных фигур Чехии. Вся группа была очень дружная, как маленькая семья. Я ведь вообще человек домашний и семейный: у меня замечательная жена и двое детей. И я везде стараюсь создать такую атмосферу.

Но если серьезно... Видите ли, в те времена невозможно было снимать плохо — потому что все кругом снимали хорошо. Была аутентичная конкуренция. На нас оказал большое влияние неореализм, польская школа, «новая волна». Ведь тогда кино Европы было на подъеме, чего не скажешь о нынешнем времени. Своим настоящим учителем я считаю Альфреда Радека. Он, собственно, никого не поучал. Я приходил на съемки и смотрел, как он работает. Радек — незаслуженно забытое имя в чешском кино. Говорят, кто-то из советских киноклассиков, посмотрев его фильм «Далекый путь», сказал: «Это один из лучших фильмов о войне. Ибо он — о войне внутренней». Радек уехал в Швецию, там он и умер. Сейчас публикуются его письма — настоящий вопль человека, гибнущего в эмиграции. Хорошо, что остались хотя бы слова. Так вот, Радек говорил: «Надо что-нибудь выдумать». Чтобы интересно было смотреть.

— В 1984 году в вашем фильме «Кукушка в темном лесу» снялся Олег Табаков.

— Как-то посмотрел я в Праге, в кинотеатре на Вацлавской площади, «Обломов». И сказал себе: «С этим актером я однажды сделаю фильм». Потом я узнал, что в 1968 году Табаков уже играл в одном пражском театре в «Ревизоре» и не весьма почтительно обходился с нашими коммунистическими бонзами от искусства: посылал их по хорошему известному адресу. Поэтому за него пришлось побороться с объединенными советско-чехословацкими силами. Чтобы любой ценой не выпустить Табакова, Госкино СССР потребовал от чешской стороны непомерно высокую оплату (половина должна была пойти в фонд Госкино же). При этом «расценки» трижды повышались, дойдя в конце концов до 4500 рублей в день, что для нашей кинематографии было совершенно «неподъемной» суммой. В свою очередь, наше киноначальство потребова-

картину для показа в СССР, но нам было отказано: «Этот фильм мы не можем купить: так нельзя показывать немцев». А мы за десять лет до «Списки Шиндлера» пытались доказать, что и в плохом человеке тоже есть что-то человеческое. Фильм был показан на информационных просмотрах многих международных кинофестивалей.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем новом проекте — Международном кинофестивале «Золотой голем» в Праге.

— И продюсеры, и режиссеры Чехии давно мечтали о создании Пражского кинофестиваля. Причин несколько. Во-первых, сразу надо сказать, что фестиваль задуман вовсе не для того, чтобы заменить собой МКФ в Карловых Варах. У нашего фестиваля другой девиз: новая традиция в новой Европе. В Праге есть возможность организовать большой кинорынок, что немаловажно. Ведь так уж, знаете, сложилось, что фильмы надо не только снимать, но и продавать. Во-вторых, в Праге живут полтора миллиона человек, следовательно, будет больше зрителей. Ведь раньше простые трудящиеся могли позволить себе приехать в Карловы Вары именно на фестиваль: туда даже специально автобусы ходили. Сейчас это многим не по карману. Наш фестиваль финансируют крупная промышленность Чехии.

— Какое ваше основное ощущение от современной России?

— Я по роду, по менталитету связан с Россией. Вообще я считаю, что нет различия между нациями, есть различия между плохими и хорошими людьми. И они везде одинаковы. Просто, как бы сказать, есть страны идеологии — и есть страны нормальных людей. И они связаны. Существуют две глобальные проблемы: недостаток терпимости и недостаток аутентичности. Мой девиз — аутентизм против фрустрации. Есть фрустрированные люди (они во что бы то ни стало хотят быть не такими, как все) и фрустрированные страны.

Конечно, в России многое изменилось. И в хорошую, и в плохую сторону. Как и у нас. Раньше было мало автомобилей, а теперь невозможно перейти через улицу. Обе страны переживают криминальный бум. Но это — долгий разговор.

Может быть, точка зрения моей супруги более объективна, так как она — чешка: «Это же могучий народ! — говорит она. — Такое влияние в искусстве, в литературе! Этого нельзя не видеть и не понимать». В России и ее людях — нечто динамичное. У меня есть мечта: снять фильм в России, с русскими актерами. Ищу сценарии. А темы есть, и очень интересные. Мне кажется, я бы смог понять. Считается, что снимать о стране должен только тот, кто в ней живет, а у иностранца «не получится». А почему же у братьев Михалковых получается? Моя дочь работает в США, она — сценарист и режиссер, у меня есть американо-чешская фирма. Американцы предлагали мне снять фильм у них.

Беседу вел
Юлия Хомякова.

● В центре — Антонин Москалик.